

Запах?

Чэн Вань слегка растерялась, да и Ли Чэнь, ведущий машину, тоже слегка замер.

Бай Цзюньтан вдруг осознала, что именно она только что спросила, легко нахмурилась, отвернулась и произнесла: — Кажется, повеяло каким-то слабым фруктовым ароматом. Это твои духи?

Будучи альфой, Ли Чэнь украдкой принюхался, пытаясь уловить запах в салоне машины, но никакого фруктового аромата не почувствовал.

Однако он не смел отвлекаться и мешать разговору пассажиров сзади, поэтому по-прежнему сосредоточенно вел машину.

Стоило Чэн Вань услышать про фруктовый запах, как она тут же вспомнила аромат собственных феромонов. Как назло, от нее пахло белым персиком — тонко, очень похоже на фруктовый сад.

— Наверное, это от меня, — встревоженно посмотрев на Бай Цзюньтан, Чэн Вань инстинктивно отодвинулась ближе к окну. — Если госпоже Бай неприятно, мне открыть окно?

Заметив, что та собирается распахнуть окно, Бай Цзюньтан закрыла глаза и остановила ее: — Не нужно, я хочу немного отдохнуть. Разбудишь, когда приедем.

Ли Чэнь отозвался на ходу. Через зеркало заднего вида он заметил, что Бай Цзюньтан закрыла глаза, а Чэн Вань выглядит крайне смущенной: она съежилась и отвернулась к окну, из-за чего в салоне повисла тяжелая, давящая атмосфера.

Хотя Бай Цзюньтан и закрыла глаза, уснуть она, конечно же, не смогла.

В ее мыслях теснилось множество забот: дела компании, дела клуба, дела семьи, а теперь еще и эта история с Чэн Вань.

Внезапно в один прекрасный день ей заявляют, что она станет матерью — как ни крути, принять такое Бай Цзюньтан была совершенно не в силах.

Однако факты налицо, и отпираться было бесполезно.

Она смутно помнила события того дня.

В тот вечер Бай Цзюньтан присутствовала на деловом приеме, где ей пришлось выпить немало алкоголя.

Люди в мире бизнеса подошли к уговорам выпить с целой наукой. Сама Бай Цзюньтан тоже напоила многих, так что победа далась ценой потери тысячи врагов при собственной гибели в восемь сотен.

Напившись до такого состояния, возвращаться домой было уже невозможно, поэтому она просто сняла номер на верхнем этаже.

До этого момента Бай Цзюньтан все прекрасно помнила.

Но вот то, что было потом... Когда она толкнула дверь, в только что снятом номере почему-то горел свет.

Приглушенный, чувственный свет тянулся от самой двери до постели. Обоняние альфы уловило тонкий аромат белого персика в воздухе: инстинкты подсказали ей, что в ее постели оказалась несчастная омега в период течки, причем совпало это самым нелепым образом.

Бай Цзюньтан увидела, как изнывающая от жара и покрасневшаяся Чэн Вань сжалась в комочек под белоснежным одеялом.

Кондиционер был выставлен на очень низкую температуру, но тело Чэн Вань пылало необыкновенным жаром, словно ее только что вытащили из кипятка, и с макушки до пят она была влажной от потницы.

Аромат на кончике носа напоминал перезрелый медовый персик — приторно-сладкий. Альфа всё ещё смутно помнила, как дурманил запах феромонов. Она прижала Чэн Вань к мягкому одеялу, и обе они глубоко погрузились в упругий матрас.

Чэн Вань в тот момент была немного трезвее Бай Цзюньтан. Она сжимала её руку, её губы то размыкались, то смыкались, словно она пыталась что-то сказать.

Но захваченная дурманом Бай Цзюньтан вовсе не была настроена слушать её всхлипы. Она своенравно запечатала губы девушки своими, а вкусив приторно-сладкий аромат белого персика, перевернула её на живот.

Длинные каштановые волосы закрывали белоснежную шею, но теперь, когда Чэн Вань лежала спиной к Бай Цзюньтан, та открылась перед ней во всей своей нескрываемой красоте.

Кожа Чэн Вань была нежной и белой — настолько гладкой и молодой, что её можно было снимать в рекламе. Её запах полностью соответствовал внешности. На нежно-розовой коже шеи алая железа выделялась особенно ярко.

Инстинкт альфы требовал поставить метку — жестко и беспощадно запечатлеть себя на той, кто не пойми как оказалась в её постели.

Только так безумство всей этой ночи не прошло бы даром.

Проснувшись на следующее утро, она обнаружила Чэн Вань, лежащую рядом. В памяти Бай Цзюньтан осталось воспоминание: девушка, кажется, плакала. Влажные уголки глаз цвета спелого персика и яркие губы запечатлелись с безупречной чёткостью.

Бай Цзюньтан также вспомнила, что именно говорила Чэн Вань той ночью.

Она умоляла:

— Умоляю тебя, не ставь мне метку...

Эти наполненные слезами глаза после хмельного забытья всплывали в памяти невероятно отчётливо. Однако то, что Чэн Вань плакала и умоляла её, Бай Цзюньтан давным-давно выбросила из головы.

Она поставила Чэн Вань пожизненную метку, а это означало, что отныне у той никогда не будет другого альфы, кроме неё.

Возможно, именно из-за этой метки Бай Цзюньтан так отчётливо ощущала запах её феромонов.

Поэтому в машине она поддалась импульсу и спросила вслух, а осознав, что только что произнесла, мгновенно ощутила раздражение.

И всё же феромоны — по-настоящему удивительная вещь.

Вчера Бай Цзюньтан просидела на совещании до четырёх утра, поспала всего три часа и поднялась, чтобы везти Чэн Вань в больницу на осмотр. Ей безумно хотелось спать, но из-за невозможности уснуть она была взвинчена и не находила себе места.

Однако стоит Чэн Вань просто спокойно сидеть рядом, как усталость Бай Цзюньтан улетучилась сама собой, и она быстро погрузилась в сон.

Феромоны омеги успокаивающе действуют на альфу, поставившего метку.

И хотя Чэн Вань в машине сильно нервничала и боялась Бай Цзюньтан, феромоны всё равно делали своё дело.

Едва машина остановилась у больницы, Бай Цзюньтан тут же открыла глаза.

<http://bllate.org/book/22300/2335194>